

Это был крайне мучительный процесс, требующий не только терпения боли, но и точного контроля своей способности. Цзян Жун чувствовал, что его буквально разрывают на части две силы. Сильная боль заставила его стиснуть зубы и свернуться калачиком на полу. Когда боль становилась невыносимой, он тихо стонал.

Как ни странно, когда его собственная способность начала циркулировать по телу, боль, вызванная розовой энергией, начала быстро исчезать.

Осознав это, Цзян Жун разделил свою способность элемента дерева на две части: одна использовалась для блокировки розовой энергии, а другая — для восстановления повреждений, нанесенных ею его телу.

С течением времени розовая энергия, лишённая поддержки, постепенно успокоилась и начала сливаться с энергией дерева. Под воздействием многократного очищения и восстановления энергией дерева, сильная боль внутри тела начала исчезать, заменяясь неопишуемой лёгкостью и комфортом.

Когда последние следы розовой энергии окончательно подчинились, Цзян Жун выглядел так, будто его только что вытащили из воды. Он лежал на полу, устремив взгляд в пустоту, словно пережив смерть.

Неизвестно, сколько времени прошло, но дверь тихо постучали, и голос Цзян Сяохэна раздался снаружи:

— Папа, ты чувствуешь этот запах?

Цзян Жун медленно поднялся с пола:

— Запах? Нет, не чувствую.

Однако, встав на ноги, он помрачнел:

— Вот чёрт...

Все его тело было покрыто черно-серой грязью, каждый пор выделял зловонную слизь. Грязь пропитала его рубашку, и с подола капали чернильные пятна.

Весь кабинет был наполнен невыносимым запахом, и Цзян Жуну чуть не стало дурно.

Выделившаяся грязь была похожа на краску, и, несмотря на три попытки смыть ее с помощью геля для душа, она не поддавалась. В конце концов, он использовал энергию дерева, чтобы очистить кожу, и только тогда смог избавиться от отвратительной грязи.

Когда он вышел из ванной, неприятный запах в кабинете еще не рассеялся. Запах распространился в гостиную, заставляя ребенка зажимать нос, а собаку корчить гримасы.

Подумав, Цзян Жун решил открыть окна и двери для проветривания. Что касается них с сыном, они могли прогуляться, и, вероятно, к их возвращению запах в доме исчезнет.

Предложение Цзян Жуна получило одобрение Цзян Сяохэна:

— Папа, разве бабушка и дедушка не говорили, что их родной дом недалеко от нас? Я еще не был у них, может, сходим?

Вспомнив о семье Чу Цяна, которая все еще пыталась добраться домой, Цзян Жун слегка потемнел. Он кивнул:

— Хорошо, соберись, я отведу тебя в старый дом дяди Чу.

На улице палило солнце, и Цзян Сяохэн, не задумываясь о защите, хотел выбежать во двор без рубашки. Цзян Жун схватил сына за руку:

— Вернись, оденься.

Личико мальчика надулось, и в его больших глазах читался упрек:

— Папа, на улице так жарко...

Цзян Жун, привычно надевая на сына солнцезащитную одежду, мягко объяснил:

— Солнце слишком сильное, и если ты не оденешься, кожа может обгореть. Посмотри, эта одежда очень легкая? Она защищает твоё тело, оберегая от вредного воздействия. Потрогай, я прав?

Цзян Сяохэн, услышав это, потрогал рукав и улыбнулся с удивлением:

— Правда, папа, он прохладный, приятный на ощупь.

Цзян Жун, завязывая сыну шнурки, подтвердил:

— Да. В лесу много насекомых, и я не хочу, чтобы хоть один участок твоей кожи был открыт.

Внезапно сын легонько потрогал его лицо, и Цзян Жун удивленно поднял взгляд:

— Что такое?

Цзян Сяохэн, словно обнаружив секрет, тихо сказал:

— Папа, твоё лицо даже гладче одежды, приятное на ощупь.

Цзян Жун: ???

Мальчик продолжил, наклонив голову и серьезно добавив:

— Папа, ты, кажется, стал белее.

Цзян Жун, смеясь, надел на сына кепку:

— Если не загорать, то станешь белее. Запомни, сынок, у мужчины должна быть бронзовая кожа, это красиво.

Цзян Сяохэн, подумав, схватился за край кепки и, глядя на отца с решимостью, сказал:

— Тогда я тоже буду загорать, я тоже хочу стать мужчиной.

Цзян Жун безжалостно подавил его:

— Не торопись, ты ещё ребёнок, и нужно беречь кожу. Детская кожа нежная, и если обгорит, потом будет сложно восстановить.

Цзян Сяохэн немного обиделся и, подняв свои ручки, как молодые побеги, заявил:

— Папа, посмотри на мои мышцы. Я уже маленький мужчина!

Цзян Жун: ...

Видимо, виной тому были частые показы упражнений от тренеров в спортзале, которые сын запомнил.

Чтобы отвлечь сына, Цзян Жун быстро сменил тему:

— Кстати, сынок, хочешь мороженого?

Мороженое было любимым лакомством Цзян Сяохэна, и, услышав это, он протянул руку:

— Хочу, хочу! Ванильное!

Цзян Жун, воспользовавшись моментом, добавил:

— Хорошо, но ты должен пообещать мне, что будешь носить кепку на улице.

После мороженого кепка уже не имела значения, и вскоре Цзян Сяохэн, довольный, шел по горной тропе, облизывая эскимо.

Цзян Жун не был так расслаблен. Одной рукой он вел Лэлэ, другой держал сына. Кроме того, на бедре у него был привязан острый нож, а за спиной — внушительный арбалет. Времена изменились, и теперь в горах было много хищников. Без защиты идти в лес было равносильно риску для жизни.

Когда они подошли к краю поля, Цзян Сяохэн внезапно увидел тушу дикого кабана, лежащую на дороге, и его шаги замедлились, а тело начало прятаться за спиной отца.

Увидев реакцию сына, Цзян Жун с сочувствием посмотрел на него. Конечно, он мог бы убрать останки с дороги, пока сын не видит, но он не мог делать это постоянно.

Если сын хочет жить в этом разрушенном мире, ему рано или поздно придется привыкнуть к останкам животных... всех животных.

Почувствовав, как рука сына сжалась, Цзян Жун успокоил его:

— Сынок, ты испугался?

Цзян Сяохэн кивнул, потом покачал головой и, посмотрев на мягкие глаза отца, тихо сказал:

— Немного, но не очень.

Помолчав, он посмотрел на останки кабана, которые пожирали муравьи:

— Папа, а что это было, когда они были живы?

Цзян Жун спокойно ответил:

— Это был дикий кабан.

Цзян Сяохэн задумался, а затем поднял своё нежное лицо и спросил:

— А они умерли, потому что не одевались и не носили кепки, и их сожгло солнце?

Этот вопрос поставил Цзян Жуна в тупик, и он, смеясь, попытался уйти от ответа:

— Да, поэтому ты должен всегда защищаться от солнца.

Цзян Сяохэн, опустив голову, посмотрел на свою солнцезащитную одежду и пробормотал:

— Я буду хорошо одеваться, я не буду как кабан.

Горная тропа, по которой они шли, была шириной всего в три фута. В те времена, когда дороги не были развиты, эта тропа была важным путем, соединяющим несколько деревень в горах. В детстве он и Чу Цян бегали по этой тропе несколько раз в день. Когда появились асфальтированные дороги, по горной тропе стали ходить реже.

Дорога была покрыта мелкими камнями, и хмель с кудзу почти полностью перекрыли путь. Если бы не мутировавшие муравьи, преследовавшие кабана, Цзян Жун даже не смог бы найти дорогу.

Если бы это было раньше, он бы точно расстроился, увидев такое состояние дороги. Но теперь эти лианы не могли его остановить. Собираясь уничтожить их, он вдруг подумал: если способность элемента дерева влияет на растения, можно ли контролировать их, заставляя расти по своему желанию?

С этой мыслью он выпустил немного энергии из кончиков пальцев. Энергия попала на ближайшую лозу кудзу, и листья, которые были вялыми, вдруг стали блестящими, а сама лоза начала быстро утолщаться.

Хмель, обвивавший лозу, был отвратителен, и Цзян Жун, не выдержав, просто вытянул из него жизненную силу. С его помощью лоза кудзу быстро одержала победу в борьбе за выживание.

<http://bllate.org/book/16638/1524364>